

— ... — Линь опешил. — Это правда нормально, что вы так прямо мне говорите?..

Фельдграу поднял розовые глаза, в которых теперь играла мягкая улыбка, и спросил:

— А какой способ был бы достаточно «непрямым»? Шифр? Загадка? Тайная записка?

— Соответствующий моей профессии метод выглядел бы так: я открываю ритуальную комнату, приглашаю вас внутрь, произвожу ритуал запечатывания и ритуал молчания, и только после этого вы сообщаете мне список, — Линь тоже улыбнулся, охотно подыгрывая и продолжая нести околесицу. — Ритуал запечатывания гарантирует, что никто не сможет подслушать то, что вы скажете, а ритуал молчания — что я сам не смогу этот список разгласить... Собственно, ведь все, кто в курсе того задания, должны были пройти этот ритуал, не так ли? Чтобы не иметь возможность сказать, написать или как-либо ещё намекнуть посторонним.

— Именно так, — согласился Фельдграу, вновь ощущая головную боль, а затем добавил: — И использовали не ритуал молчания, а контрзаклятье молчания, которое собственноручно наложил один из епископов Мастера Адгезии.

То есть, любой, кто попытался бы произнести, записать или косвенно выдать секретные сведения падал бы в обморок или, в зависимости от масштабности попытки, даже умирал бы.

В мире, откуда прибыл Линь, будь там подобная технология, со шпионами можно было бы покончить навсегда.

Хотя, если подумать, даже с таким контрзаклятьем информация всё же просочилась наружу, а предателя так и не разоблачили.

«Значит, противник оказался хитрее».

Линь невольно усилил настороженность к этому предателю. Контрзаклятье молчания в принципе снималось, но тогда наложивший его епископ Мастера Адгезии должен был бы это заметить. Каким образом предатель нашёл лазейку, Линь не представлял; неудивительно, что верховный инквизитор с коллегами ломали голову.

— Даже епископа Мастера Адгезии пригласили... — Линь, мрачно вздохнув, отложил ложку и взялся за вилку, ковыряя безвкусную крахмальную лапшу без единой приправы. — Насколько же это всё серьёзно, верховный инквизитор... Я начинаю думать, что вы и правда не должны были сообщать мне имена.

— Но раз уж ты захотел узнать, даже если бы я не сказал, ты всё равно нашёл бы способ выведать. Ты ведь именно такой человек, — уверенно произнёс Фельдграу.

— Разве? — спросил Линь с каменным лицом.

— А разве нет? — мягко ответил Фельдграу.

— ... — Линь отвёл взгляд и пробормотал: — Ну, даже если бы я попытался узнать, это ведь не значит, что я сумел бы...

— Но из-за этих попыток снова попасть в поле зрения внутреннего надзора тебе совсем ни к чему, — продолжил Фельдграу, пригубив грибной суп. — Лучше уж я скажу прямо, а затем сам же доложу в надзорное подразделение, что поручил тебе помощь в расследовании.

— А если...

— А если, — в розовых глазах Фельдграу улыбка стала ещё теплее, — ты подведёшь моё доверие, то первым ответственным возьму на себя я.

— ... — Линь не нашёл слов.

«Ну вот, началось. Пошло давление».

Этот начальник, хоть и не являлся совсем типичным руководителем, прекрасно знал приёмы воздействия на подчинённых.

И сейчас Линь действительно не хотел подвести его доверие.

— Просто меня раздражает, что из-за предателя я оказался в комнате допросов, — наполовину искренне сказал он. — Вот и думаю: а вдруг сумею заметить какую-то его оплошность. Но если ничего не выйдет, вы уж не сердитесь.

— С какой стати сердиться? — удивился Фельдграу, откладывая пустую тарелку и элегантно переходя к другой. — Но я думаю, что у тебя всё-таки может получиться. Твой взгляд на ситуацию всегда необычен.

«Ах вот как...»

Линь поймал себя на том, что, ведя разговор, незаметно умял весь скудный обед.

Даже показалось, будто вкус у крахмальной лапши сегодня получше, чем обычно.

— Ладно, — он поднялся с подносом и улыбнулся, — значит, на этот раз мне и вправду нельзя подвести ваше доверие, верховный инквизитор.

«Прежде всего я должен предупредить: твоё расследование ограничено только вопросом "кто именно слил информацию культу Искажения". Но что именно слили, какое задание вызвало такой переполох и все остальные связанные сведения — тебе категорически запрещено узнавать. Линь, понял?»

Последние слова верховного инквизитора ещё звучали в голове Линя.

Хотя его научная работа оставалась недописанной больше чем наполовину, мысли к ней уже не возвращались.

Что там наука — рядом с собственной безопасностью и устранением близлежащей угрозы!

Сравнив четверых из списка, он решил начать с того, кто приходился ему ближе всех по службе — с директора ритуального подразделения, Листчеса Азари.

Секретарь Ловветро оказался так занят, что даже о заказе обеда для своего начальника забыл — значит, явно перегружен. К руководителям подразделения печатей и подразделения связи Линь пока не видел повода подходить.

Разумеется, можно было бы явиться и прямо сказать, что он действует по поручению верховного инквизитора. Но раз речь шла о предателе, тут требовалось увидеть разницу между тем, какими подозреваемые выглядели снаружи и как они вели себя на деле.

«Что за человек директор Листчес в глазах подчинённых?»

Линь хорошо помнил свой первый визит к нему. Тогда его только перевели из филиала нижнего уровня в центральное отделение, и он впервые встретился с конкретно этим начальником. На тот момент Линь окончил школу инквизиторов больше трёх месяцев назад и на собственном опыте знал, как быстро происходит обновление кадров среди официальных ритуалистов — особенно тех, что служили в Инквизиции.

Как бы это описать...

То дело о серии убийств в «Горькой долине» расследовали совместно целые отряды, начиная от филиала третьего уровня и заканчивая филиалом девятого. Линь, усердно берущий задания ради надбавок, встретился с ритуалистами из этих отделений и ахнул: его коллеги были старше всего на шесть лет.

Поэтому, когда Линь впервые вошёл в центральное отделение, познакомился с директором Листчесом Азари и узнал, что этому старому лисолюду исполнилось уже семьдесят пять лет, он искренне поразился.

Директор Листчес сумел достичь долголетия не только среди ритуалистов, но и среди обычных людей!

Почему не в сравнении с прочими служителями? Дух и тело тех были укреплены магической силой, так что подобное сопоставление являлось бессмысленным.

Позже, когда Линь узнал о его прозвище «трус», он перестал удивляться.

Говорили, что, будучи ещё обычным инквизитором, Листчес избегал выездных заданий при малейшей возможности, а порой и вовсе симулировал боль в животе, чтобы взять отгул и уклониться от полевой работы. Для посторонних это звучало жалко, и относились к нему с лёгким презрением.

Однако, судя по скрытой статистике, которую Линь вёл ради лучшего понимания выплат за выезды, даже самые упрямые ритуалисты, не желавшие в них участвовать, всё равно выходили на задания хотя бы один-два раза в неделю. И это в условиях, когда большинство ритуалистов, несмотря на страх погибнуть, всё же, стиснув зубы, выполняли свои миссии.

Заботы настолько перегружали Инквизицию, что никакой «лёгкой жизни» в ней попросту не существовало.

И если директор Листчес прошёл через столь огромное количество заданий и остался жив, заслугой тому являлась явно не только трусость.

Очевидно, у него имелись и сила, и удача. К тому же, он искренне заботился о подчинённых и всегда был готов за них вступить. Как начальник он уступал разве что верховному инквизитору.

А потому проверять его следовало крайне осторожно, как минимум в сто раз осторожнее, чем при эксперименте с Аллетом.

— Эй, — окликнул его Аллет, — мне кажется, внутренний надзор ни за что не поверит твоей чуши.

Линь, уставившийся на экран и изображавший задумчивого писателя статьи, поднял взгляд, затем вытащил карманные часы.

— Прошло... уже больше четырёх часов, — даже для Линя это стало неожиданностью. — И ты всё это время думал о моей «чуши»?

Аллет слышал это слово сегодня слишком много раз.

— ...Ты что, хочешь сказать, что я тупой?

— Ну вот, иногда у тебя реакция бывает быстрой, — Линь встал и спросил: — Директор сейчас в своём кабинете?

Аллет, привыкший к насмешкам Линя с первой же встречи, когда обозвал его «нищобродом», и так ни разу не завязывавший с ним нормальных разговоров, был ошарашен:

— Ты у меня спрашиваешь?

Испытав к нему лёгкую жалость — из-за утренней «обиды» — Линь смягчился и спокойно пояснил:

— А у кого ещё спросить? Ты ведь ел здесь обед, никуда не выходил. Должен был заметить, вернулся директор или нет.

— Ха? Да ну! — Аллет недовольно фыркнул. — Я вообще не смог пронести обед внутрь, охрана его отобрала прямо у лифта...

— ?.. — теперь уже Линь оказался в замешательстве. — Зачем охране забирать еду?

Остальные коллеги тоже с удивлением обернулись. Аллет тут же вспыхнул до ушей.

— Я... использовал чуть-чуть растительных приправ, — сначала пробормотал он, а потом повысил голос: — Ну ведь мясо без перца есть невозможно!

Линь лишь подумал, что всё зависит от того, какое именно блюдо готовить. В его прежнем мире такие специи не считались чем-то особенным.

— Так ты не знаешь, вернулся директор или нет? — затем он плюнул на попытку разговаривать с Аллетом и обратился к другим коллегам: — Вы знаете?..

— Он вернулся, он у себя в кабинете, — ответил Аллет.

— ...

«Почему же нельзя было сказать сразу?»

Линь прикрыл лицо ладонью и тихо пробормотал:

— Моё терпение и правда стало куда лучше, чем три года назад.

Аллет не расслышал и переспросил:

— Так зачем тебе понадобился мой дядя?

— Нужно обсудить кое-какие вопросы по научной работе, — Линь отмахнулся и направился в кабинет директора. — Ты сам-то уже начал писать?

— ... — Аллет, у которого даже исследования ещё не были начаты, промолчал.

Мысль о них причиняла ему куда больше боли, чем утреннее изъятие обеда.

«Линь и правда негодяй!» — яростно подумал он.

Не подозревая, что творилось в голове у коллеги, Линь постучал в дверь кабинета.

— Директор, можно войти?

Ответа не последовало.

«Он ведь должен быть внутри?»

Линь нахмурился и сказал:

— Я вхожу.

Темноволосый ритуалист с завязанными глазами открыл дверь. Благодаря повязке никто не видел его взгляда, и он воспользовался этим, чтобы внимательно осмотреть кабинет. Он специально оставил дверь приоткрытой.

Всё выглядело, как обычно: три стены занимали книжные шкафы, заполненные документами и ритуальными материалами, вперемешку с камнями, кристаллами, минералами и образцами, представляющими силы разных богов.

На потолке жужжала вентиляция. В свете единственной настольной лампы старый лисолоуд, укутанный семью или восемью шальями, сидел с прищуренными глазами и уставившись в документ.

Его дыхание было ровным, и Линь не мог понять, бодрствовал тот или дремал.

— Директор, у меня есть несколько вопросов по научной работе, хотел бы спросить вашего совета, — ещё на пути к кабинету Линь успел обдумать, что именно спросить, поэтому заговорил без запинки.

Он подошёл ближе, пальцами подцепляя спрятанное в рукаве маленькое зеркальце.

Тем не менее, экран рабочего компьютера на столе, как зеркало, подходил куда лучше. С этого угла Линь не видел, был ли тот включён или находился в режиме ожидания — если бы компьютер работал, отражение бы отсутствовало. Тогда оставалось бы понадеяться на удачу и скрыть движение руки.

— Ритуальные круги Мастера Адгезии, — продолжал он, примеряясь, где лучше встать, — если попытаться их уменьшить, то...

Линь уже подошёл к самому столу.

Он скользнул взглядом в сторону — компьютер был в спящем режиме. Тогда он ускорил шаг.

На чёрном экране уже отражалось сморщенное лицо старого лисолюда и его закрытые глаза, чуть приподнимающиеся в такт дыханию.

И вдруг шаги Линя замерли: прямо перед ним из-под дряблых век старика выкатились два глазных яблока, а за ними из чёрных пустых глазниц хлынула кровь.

Не прошло и секунды, как Линь успел осознать — тело директора вздулось, раздался треск, и Листчес Азари, широко раскрыв рот, исторг наружу все свои внутренности.

<http://bllate.org/book/12612/1119960>